

РОДИТЬСЯ ЗАНОВО

О книге стихотворений Виктора Кирюшина

«Облака над садом»

Ах, необъятный Космос... Мы забываем голову закинуть к многодышащему, многоглазому звёздному небу, распаханному смоляному сундуку с царскими сокровищами; оно и многорадостно, ибо щедро-праздничны его бессчётные искры-россыпи; оно и многоскорбно, ибо все его звёзды – наши слёзы; оно и равнодушно – ровно, мерно и немыслимо-постоянно вращаются все светила северной полусферы вокруг звезды Полярной, Золотого Кола; мы мчимся, задыхаемся, бежим, летим!.. и вдруг застываем. Чем вкопаны в землю? Столь же незыблемо-вечную, как небеса? Отчего мороз по спине, чем потрясены, каким громом-грозой, каким одиноким голосом, что внезапно звучит над нами, как грандиозный хор?..

Человек... Один. Он стоит в широком поле. Один – на виду у нашей русской ли, азийской вековечной степи. В эту землю много крови лилось. И на крови-костях ковыль всходил; и над не погребёнными после битвы костями Солнце всходило. А человечек – так вот он, снова! Он – туда же! Зачатый – к рождению, к явлению на свет Божий, а живой, живущий – к неизбежному прощанью! Горечь какая, полынная... смута слёз задёргивает глаза пеленою усталого долгого дождя...

И развиднелось... и снова ведро... А человек стоит. И его обдувает ветер.

Кочевой; бешеный; безумный; родной.

Пусто.

Ни крика, ни эха.

Торчит, как обида,

В поле трава из-под снега

Сиротского вида.

Превозмогая

Терпеньем жестокое время —

Былка сухая,

Давно потерявшая семя.

В звёздные верши

Минувшая канула небыль...

Что её держит

Под этим неласковым небом?

Травы и люди...
Мороз пробегает по коже:
Как мы по сути,
По судьбам нелепым
Похожи!

В этом же поле,
Где ветер гудит не стихая,
Плачу от боли —
Такая же былка сухая.

Этот человек – поэт.

Имя его – Виктор Кирюшин.

Столкнул он лбом, не убоясь, два далёких масштаба. Две жизни, под Солнцем-Луной, под Богом они равно растут-цветут и увядают: травы и человека. Для Господа все едино – что трава, что волчонок, скулящий в весеннем лесу, что серебряная рыба, играющая в дикой забытой (а значит, чистой!..) реке, что людское сердце: захлёбываясь от непрощенных слёз, бьётся, колотится так неуёмно, так напоследок... И верно, всякий день наш – последний. Ибо мы не знаем часа своего. Никто не знает. И это – благо.

Господи! Благодарю тебя, что есть, есть поэзия. И есть русские поэты, что вот так, одиноко, с непокрытой головою, в поле выходят. Под ветер. Под ливень. Под жар-птичье, яркое, слепящее-горящее звёздное небо.

Да, поэт издревле измеряется каратами звёздного света. А ещё – жёсткостью камня. А ещё – вольно льющейся водой: в жажду – лови воду-жизнь губами, пригоршню жадно подставляй!

Мы разные, но мы одних кровей
Со всем преобразившимся однажды
В молчанье камня,
Музыку ветвей,
Глоток воды, спасающий от жажды.

Я догадалась. Природа, вот кто благословляет Виктора Кирюшина на поэзию. На вольную песню. На высокое, подчас скорбное раздумье. А природа есть Бог. Мы тысячелетия напролёт пытаемся разгадать тайну природы: как она сотворена, меняется или держит марку незыблемости и великой памяти, живут ли внутри неё Добро и Зло, или она свободно обходится без этой людской символики-моралите, без этой древней, пусть даже и Библейской, бытийной, заповеди? Веками спорим мы, до хрипоты, о границах нравственности и морали.

Но тревога!.. Но какая же неизлечимая тревога!..

Внутри мгновенно исчезающей минуты, секунды...

Внутри этого спокойного, раздумчивого, часто распевного стиха, стиха-песни, стиха – тайной молитвы...

Да, вся поэзия – песня и молитва, здесь, склоняясь над стихами Виктора Кирюшина, с постулатом, почти сто лет назад высказанным Мариной Ивановной Цветаевой, соглашаешься счастливо и благодарно...

Как царевна юная наивна,
В небе пышнотелая луна,

А под ней Коломна
И Крапивна,
Нерехта, Кириллов, Балахна...

Примеряют белые одежды
Улочки, бегущие к реке.
Ангелы тревоги и надежды
Неразлучны в каждом городке.

Свят покров над пажитью и пушей.
Шепчут губы: «Господи, спаси!»
Что нам обещает день грядущий?
Холодно.
Предзимье на Руси.

Маленькие наши, все щедро усаженные, как медный оклад иконы – сканью, изобильно украшенные нежными храмами городки и городочки... наше дивное небо, цвета весенних колокольчиков, цвета праздничного плаща Пречистой Богородицы, что вот-вот прольется слезами сумасшедшего слепого дождя на тихую землю нашу, тоже до рыданья родную, да кровь и жизнь не жаль за неё, родимую, до капли отдать... а почему думы мои о грядущем так выворачивают душу, так отжимают ее досуха – так баба отжимает на реке белье... Где обещанье счастья? Да полно, есть ли оно?

Наше счастье – холод. Осень. Резкая синева. Чугунные кандалы, а иной раз серебряные цаты царственной зимы.

Всё дышащее, всё живое, спаси, не замерзни, не умри, двигайся, плещись, лети, отзовись!..

Задыхаюсь от косноязычья,
Но уже не зайти за черту –
Слово рыбье, звериное, птичье,
Словно кость, застрекает во рту.

Снова древнюю книгу листаю,
Чей волнующий запах знаком.
Вы, от века живущие в стае,
Не считайте меня чужаком!

Виктор Кирюшин по этому предзимнему полю, по мерзлой, твердейшей, почти железной этой степной земле идёт вперёд, идет дальше Алексея Прасолова и Юрия Кузнецова, хотя я, музыкант, великолепно слышу наследие их интонаций, их криков и шёпотов в текучей, то богато изукрашенной, то скупой-прозрачной словесной вязи его стихотворений, рождённых строго-космично, под крылом предвечной гармонии; но ведь это так и надо, чтобы поэт шёл дальше и выше; а ещё – чтобы он однажды возвратился к воде ключевой детства, к песне материнской рождения. Тогда исход становится истоком.

А кто перемешал нам времена?

Да есть ли Время? Может быть, оно – выдумка человека, что так не желает уходить с родной земли, пусть острые камни, тернии и волчцы впиваются в живую плоть и в плачущую душу, а у Господа, там, в надзвёздных чертогах, никакого Времени нет и в помине? И юность легко сравнима со старостью, обнимаются они, как весёлые сёстры, и по-толстовски мощно зеленеет старый дуб-богатырь, и перекликаются юный

нежный соловушка и старая мудрая, уставшая человечьи года считать, седая кукушка?..

Но ведь символ это тоже, трагический... символ-знак... Кукушка-то – да, нам годы считает... Кукушка, кукушка, сколько лет мне осталось жить?..

Мы птице этой такой вопрос детьми задавали, залиvisto хохоча, за- слышав её мерные, монотонные, как тиканье часов или удары метронома, вскрики в лесу. Чаща жизни! Всё равно перейдем тебя из конца в конец!

Варится варево, мелется мелево –
Вечности неистощимая снедь.
Старое дерево, старое дерево
Снова надеется зазеленеть.

Свежей корой затянуло отметину
Молнии, плоть опалившей твою.
Слышишь, за речкой кукушка ответила
Юному, в неге любви, соловью?

Виктор Кирюшин в поэзии – и живописец, и музыкант; его мазки и штрихи видишь, его музыку, даже тишайшую, слышишь; но звучит в нём, во всей совокупности его творчества, одна могучая нота, и она часто пересиливает всё красочное, строгостью церковного хора побеждает любые мирские изобразительные моменты.

Это нота высокой философии.

Всякий художник – философ.

А основная позиция художественно рождённой философии Кирюшина – и это в стихе тоже видно и слышно – пожалуй, даже не отдельно взятая нота, а интервал.

Сопряжение малого и великого, микромира и Вселенной – и боль суждённого всем ухода с нашей прекрасной, столь измученной-избичёванной-исполосованной нами, людьми, многострадальной земли.

Консонанс ли этот интервал? Или диссонанс?

Вселенная без края и конца
Вселяла б ужас до последней клетки,
Когда б не трепыхался у лица
Листок зелёный
С муравьём на ветке.

Мы носим великость Космоса в себе. Порой эта ноша неподъёмна. Садимся, утыкаем лицо в ладони. Ах, это уже с нами было! Когда-то! Давно! И вот повторилось... Повторяемость Мира, репризность его, возвращение наше на круги своя – и не только наше, но и Времени самого... ведь и Время, то идучи то в ногу с нами, то, насмешливо хохоча, убегая прочь от нас, и не можем понять-определить, назад или вперёд... – как охота разгадать дрожащую в тумане дней траекторию, открыть, как учёный открывает планету, заплатив за это пускай целую жизнь, судьбой, – почему Время возвращается, как звери возвращаются на водопой, и вместе с собою возвращает нас...

И мы находим потерянное.

И мы изумляемся себе: почему я про это, наиважнейшее, гибельно забыл!..

И мы спокойно и светло глядим туда, куда вчера глядели с ужасом и отчаяньем.

Наступает в свой черёд
То, что было многократно:
Даже двигаясь вперёд,
Возвращаешься в обратно.

Прорастает, как лоза,
Наше прошлое в грядущем,
Но раскаянья слеза
Не видна во след идущим.

И мы можем молиться и прощать.
Ибо прощение – благодать.

Снова сгорают в багряном огне
Тихие рощи.
Время подумать о завтрашнем дне
Строже и проще.

Что там в логу, на ветру трепеща,
Шепчет осина?
Время прощать,
Даже то, что прощать
Невыносимо.

Поэт прямо, храбро и печально глядит в лицо смерти. Смерть – не та материя, о которой можно упомянуть походя, вскользь, густо изукрасив речь свою самоцветами эпитетов и восклицаний, беззастенчиво впадая в лживый, лицемерный пафос. Смерть – то, рядом с чем нужно и можно молчать. Но как быть поэту, тому, кто искусством своим избрал Слово, гордый самосветящийся Логос?

«Умри и возродись» – древний архетип. Умиравший и воскресающий Бог нам о той незапамятной древности всем Своим Бытием говорит. И мы не можем не помышлять об этом парадоксальном и, для многих житейски, бытово настроенных людей, нереальном пути. Так же, как Господь, мы будем просить в урочный час: «Отведи от меня чашу сию!» И так же смиренно и счастливо закрывать глаза, ощущая: суждено, суждено не только уснуть во смертных муках, но и проснуться...

Ходит солнце по низкому кругу,
Гаснут стылые дни вдалеке,
Чтобы снова по кроткому лугу
Вышла цапля к остывшей реке.
Это дерево знает и птица,
И вода понимает,
И твердь:
Можно заново будет родиться,
Если только рискнёшь умереть.

Виктор Кирюшин работает с архетипами и работает на архетипах.
Почему это так важно?

Да ведь это напрямую – работа с основными положениями и всеземной, и родной русской культуры.

Вот идёт в стихах Виктора Кирюшина странник.

О, какой архетипический образ для всего русского искусства! Тут и Афанасий Никитин, идущий-плывущий за три моря, и скорбный странник с посохом в «Боярыне Морозовой» Василия Сурикова, и с котомкой кочевой за плечами, прищур направивший вдаль, молодой Горький, и лирник Родион Ивана Бунина, и повлекшийся за Катюшей Масловой, ставший невольным странником присяжный заседатель Нехлюдов у Льва Толстого... Паломники, путешественники, скитальцы... Скажите, кому не хотелось кинуть на плечи котому и пуститься однажды в неведомый путь...

Всё бродит, взяв суму да посох,
Вдали от псов сторожевых,
В полях пустых и безголовых,
В лесах почти что неживых.

Где ливень хлещет,
Ветер свищет,
Блистают молнии во мгле...
Того, что странник этот ищет,
И не бывает на земле.

Очень показателен здесь грозовой, ненастный пейзаж. Пространство буйствует, гремит, устрашает. Пространство движется, оно безумствует, оно юродиво так же, как юродив Христа ради, в состоянии высокого аффекта провидящий будущее и выкрикивающий, вкупе с проклятиями насквозь грешному Мiру, ему – сияющие – благословенья...

И – смотрите! Поля – пусты. Они – молчат. Не звучат. Таким бывает не земля – Иномiрие. Запредельность. Посмертие.

Но каков и ландшафтный, и образный контраст! Леса странно неживые, а воздух вокруг странника, вся атмосфера, то, чем он дышит, – неистовствует и содрогается. А скиталец-то этот, дождями побиваемый, как казнями Голгофскими кнутами, бредёт – куда? Ищет – что? Да он и сам не знает! Стремится к неизвестному! К тому, чего на земле никогда не бывало!

К небывалому...

Помните русскую сказку, где царь приказывает Андрею-стрелку: «Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»? Куда пойти? В Мiрь Иной. Это значит – за грань жизни. В смерть.

Что там, в посмертии, найти – и принести обратно, в Мiрь живых?

Странник, дай нам ответ!

Опасно там, в Ином Мiре. Страшно. Необъяснимо.

Да надо ли объяснять неминуемое?

Да ведь Андрей-стрелок может там, в посмертии, и навек остаться...

И – всякий из нас...

Как прекрасно жить! Здесь и сейчас! Жить, быть, дышать! Любить...

Не уходите, помедлите чуть у порога,
Не возвращает ушедшего эта дорога.
Прошлое можно лишь
памятью сердца окликнуть.
Надо привыкнуть,
к чему невозможно привыкнуть.

Только успеть бы,
свечой на ветру догорая,
Просто обняться
у самого-самого края,
У рубежа,
за которым иная обитель...
Не уходите, друзья мои,
не уходите!

Что вся наша философия рядом с живою, горячей любовью?

Что все наши трагические размышленья в виду рыбацкого костра,
мерцанья звезд, нежно светящегося в ночной тьме любимого лица?..

Мне столько в жизни выпало любви!
Ту речку вспоминаю и поныне,
Где молнией мерцали голавли
В предутреннем тумане
На стремнине.

Стоял июнь,
Цвели вокруг луга,
К воде клонились сумрачные ели...
Потом иные были берега,
Водовороты, омуты и мели.

<...>

Жизнь, как река, —
Внезапна и быстра.
А был ли счастлив я на самом деле?
Лишь только там,
У тихого костра,
Среди земли,
Как будто в колыбели.

Поверим. Сбережём. Запомним. У сердца понесём. Утешимся. Возрадуемся. Восплачем.

Помолимся.

Вместе с большим и светлым русским поэтом Виктором Кирюшиным.